

Николай Вахтин

Заметки об одной особенности акта коммуникации

Покуда люди еще молоды и музыкальная композиция их жизни звучит всего лишь первыми тактами, они могут писать ее вместе и обмениваться мотивами..., но, когда они встречаются в более зрелом возрасте, их музыкальная композиция в основном завершена, и каждое слово, каждый предмет в композиции одного и другого означают нечто различное.

Милан Кундера. Невыносимая легкость бытия

Ниже предлагаются некоторые соображения, имеющие отношение к акту коммуникации, к процессу передачи сообщения («мысли») от говорящего к слушающему. Если соображения, изложенные в этой статье, верны, то это имеет, как представляется, далеко идущие последствия не только для семиотики, но и для теоретической и практической лингвистики. Перечислить эти последствия в деталях я пока не в состоянии, поэтому ограничусь лишь изложением самой идеи.

I

Дж. Кац следующим образом описывает коммуникативный процесс:

«Сообщение говорящего кодируется в форме фонетического представления высказывания средствами системы лингвистических правил, имеющих у говорящего. Эта кодировка становится затем сигналом для артикуляционных органов говорящего, и он производит высказывание соответствующего лингвисти-

Николай Борисович
Вахтин
Европейский университет
в Санкт-Петербурге

ческого облика. Оно, в свою очередь, улавливается слуховыми органами слушающего. Звуки речи, являющиеся стимулами для этих органов, преобразуются затем в нейронный сигнал, из которого извлекается фонетическая репрезентация, эквивалентная той, в которую закодировал свое сообщение говорящий. Эта репрезентация **декодируется в представление того же сообщения, которое говорящий изначально намеревался передать с помощью системы лингвистических правил, эквивалентной системе слушающего**» [Katz 1966: 104; выделено мной. — Н.В.].

Тут несколько ступеней перекодировки: сообщение (=мысль) преобразуется в фонетическое представление, оно — в «сигнал для артикуляторных органов», он — в высказывание. Высказывание — в нейтральный сигнал (наверное, можно сказать, по аналогии, в «сигнал для мозга»), тот — в фонетическую репрезентацию, и та, наконец — в сообщение (=мысль).

Или вот еще:

*«У отправителя есть три последовательно упорядоченные роли. Вначале отправитель имеет внутренне представленную пропозицию (ее, наверное, можно назвать „мыслью“), которую он намерен сделать доступной для другого лица. Затем отправитель преобразует мысль в набор внешних, взаимно доступных сигналов, опираясь на знание кода, общего с потенциальным получателем сообщения. Наконец, отправитель **посылает эту мысль** (отправление возможно через преобразование мысли в сигналы, производные от кода) к потенциальному получателю; получатель затем опирается на в основном сходную процедуру декодирования сигнала, **извлекает сообщение** и тем самым получает доступ к мысли другого»* [Schiffirin 1994: 391; выделено мной. — Н.В.].

Здесь ступеней перекодировки меньше, зато ясно выражена идея, что «мысль» находится в канале передачи: говорящий ее через этот канал *посылает*, а слушающий ее оттуда *извлекает*. Замечательно.

Попробуем разобраться. Говорящий передает слушающему через канал определенным кодом некоторое сообщение. Это сообщение закодировано в языковые знаки. Знаки, как им и положено, имеют означаемое и означающее.

Очевидно, что до начала акта передачи «мысли» (до начала акта коммуникации) означаемое языкового знака существует в сознании говорящего. После окончания акта коммуникации означаемое языкового знака появляется в сознании слушающего. Однако тут есть одна тонкость:

Языковой знак не существует как таковой в канале передачи.

Действительно, у нас есть способ передать означающее —

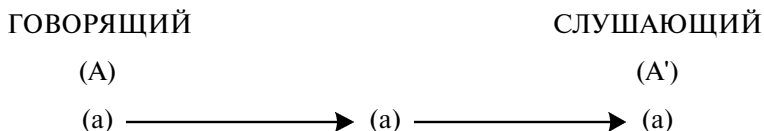
речевой аппарат говорящего трансформирует фонологический, интонационный и т.п. образ высказывания в набор звуковых колебаний, слуховой аппарат слушающего трансформирует эти звуковые колебания обратно в фонологический образ высказывания. Однако *не существует способа передать через канал означаемое*: хотя означаемое и означающее неразрывно связаны, не вполне понятно, как именно означаемое попадает из одного сознания в другое.

Уточнения, внесенные в схему Соссюра Бенвенистом [Бенвенист 1974б: 90–96], как кажется, не спасают положение. Рассуждая о понятии произвольности языкового знака, Бенвенист проясняет положения Соссюра об означающем и означаемом, подчеркивая высказывание Соссюра (*«Языковой знак соединяет не предмет с именем, а понятие с акустическим образом»*) и фактически рисуя уже не двух-, а четырехэлементную схему: «предмет реального мира ↔ понятие (=означаемое) ↔ акустический образ (=означающее) ↔ имя», в котором «знаком» является единство двух средних элементов (понятие=означаемое ↔ акустический образ=означающее). *«Означающее и означаемое, акустический образ и мысленное представление являются в действительности двумя сторонами одного и того же понятия... Означающее — это звуковой перевод идеи, означаемое — это мыслительный эквивалент означающего»*. И Бенвенист делает вывод: *«Связь между означаемым и означающим не произвольна, напротив, она необходима. Понятие („означаемое“) „бык“ в моем сознании неизбежно отождествляется со звуковым комплексом („означающим“) böf. <...> Сфера произвольного, таким образом, выносится за пределы языкового знака»* [Бенвенист 1974б: 92–93].

Это, несомненно, верно, однако обратим внимание на то, что Бенвенист включил в свою формулировку важную оговорку: *«...в моем сознании неизбежно отождествляется...»*. В одном сознании — да, в другом сознании — тоже, однако из этого не следует, что эти «отождествления» идентичны, поскольку неясно, как именно можно передать означаемое через канал передачи.

Иными словами, говорящий посылает, а слушающий воспринимает некий сигнал — означающее (а), который вызывает в сознании слушающего определенное означаемое, или можно сказать, который *находит* в сознании слушающего некое соответствующее ему означаемое. При этом говорящий надеется, что смысл (А), который соответствует означающему (а) в его сознании, будет совпадать с тем смыслом, который соответствует этому же означающему в сознании слушателя.

Однако никаких гарантий этого у говорящего нет. Совершенно не исключено и даже весьма вероятно, что смысл (А), соответствующий означающему (а) в сознании говорящего, не будет абсолютно идентичен смыслу (А'), соответствующему этому же означающему в сознании слушающего:



Иначе говоря, языковой знак существует на двух концах этого канала, в сознании говорящего и в сознании слушающего, но *не в канале передачи*: в канале от говорящего к слушающему передается лишь одна из двух сторон языкового знака — именно, его означающее¹. Физические колебания воздуха, порождаемые речевыми и воспринимаемые слуховыми органами, способны передать только означающие: означаемые, неразрывно «приклеенные» к ним в сознании говорящего и столь же неразрывно «приклеивающиеся» к ним в сознании слушающего (те самые «две стороны одного листа», о которых говорил Соссюр), в самом канале передачи отсутствуют. Для означаемого в канале передачи нет места.

II

Тем не менее мы знаем, что коммуникация возможна, что в результате речевого акта «мысль» каким-то образом попадает от говорящего к слушающему. И при этом в канале передачи существует лишь информация об *означаемом* в виде звукового сигнала, которая **трансформируется** в сознании слушающего в **стимул активизации означаемого**. Однако само это означаемое, *смысл*, который говорящий хочет передать слушающему, не существует в канале передачи.

Если «мысль» не передается через канал передачи, то как она передается?

В момент речевого акта «мысль», заложенная говорящим в сообщение, воссоздается, *реконструируется* в сознании слушающего — по-видимому, практически мгновенно после получения сигнала. Это воссоздание информации происходит на основании общности семантики, картины мира, языковой системы, которыми владеют говорящий и слушающий, но при этом, все-таки, не из того материала, которым обладает говорящий (не из грамматики, семантики или прагматики языко-

¹ Отвлечемся от помех и шумов, которые не гарантируют адекватности передачи означающего: будем считать, что передача полностью адекватна.

вых элементов говорящего), а из того материала, которым обладает слушающий (*его* грамматики, семантики и прагматики).

И здесь необходимо подчеркнуть очень важный момент: если верно, что не существует способа передать от говорящего к слушающему через канал связи *содержательную* информацию, то это верно для *любой* коммуникации и *любого* содержания, в том числе и того, которое несет сведения о точных параметрах грамматики, семантики и прагматики языковых элементов. Один человек не может передать другому через акт коммуникации *в том числе и* обучающую информацию об устройстве его языковой системы. Если описанное выше свойство акта коммуникации верно, то оно верно для любого акта коммуникации, в том числе и для тех, в результате которых ребенок осваивает язык: ребенок, если довести следствия из этого утверждения до предела, *не получает от взрослых вообще никаких сведений об устройстве языковой системы*: он должен, ориентируясь на поначалу абсолютно бессмысленные для него наборы звуковых сигналов, выстроить в своем сознании модель языковой системы и затем методом бесчисленных проб и ошибок привести эту модель в более или менее точное соответствие с моделями взрослых; однако полной идентичности ребенок не достигнет никогда — это принципиально невозможно.

Ребенку, учащемуся говорить, приходится, если вернуться к четырехэлементной схеме, нарисованной Бенвенистом, самостоятельно, опираясь на врожденные способности и на метод проб и ошибок, выстраивать в своем сознании четыре ряда связей, или корреляций: (1) корреляцию между именами и акустическими образами, и (2) корреляцию между предметами реального мира и понятиями, и (3–4) связи между этими двумя «крайними понятиями» (предмет и акустический образ) и собственно двусторонним языковым знаком (понятие ↔ акустический образ, или означаемое ↔ означающее). Все эти связи в любом индивидуальном сознании будут неизбежно отличаться от подобных связей в сознании других людей.

Две языковые системы, существующие в сознании говорящего и слушающего, таким образом, могут быть полностью идентичны только случайно, но вероятность этого случайного совпадения, если учитывать чудовищную сложность языковой системы, ничтожно мала. Каждая из языковых систем имеет свою историю формирования, свои ассоциации между элементами, свою семантику и свою прагматику каждого элемента. Простой пример:

- (1) Г. (говорящий): Я вчера лег в 12 часов.
С. (слушающий): [Г. вчера лег поздно (рано?)].

Прагматика (семантика?) элемента «12 часов» в сознании Г. может иметь коннотацию «рано», в сознании С. — коннотацию «поздно», или наоборот. Г. хотел сказать, что лег *поздно*, С. понял его так, что тот лег *рано*.

- (2) Г.: Я купила мясо за 80 рублей.
С.: [Г. купила дорогое (дешевое?) мясо].

Прагматика (семантика?) сочетания «80 рублей» может для Г. означать «дешево», для С. — «дорого», или наоборот. Г. хотела сказать, что купила *дешевое* мясо, С. понял ее так, что та купила *дорогое* мясо.

Это простые примеры. Чем сложнее высказывание, тем больше шансов расхождения между А и А':

- (3) Г.: Правильно наши бомбят Грозный.
С.: [Я, право, теряюсь от обилия вариантов понимания этого высказывания Слушающим]: *например* — Г., как и я, считает, что с террористами надо бороться жестко; Г., в отличие от меня, считает, что Чечня должна быть частью России; Г., как и я, считает, что жизни солдат надо беречь; Г., в отличие от меня, считает, что, хотя жизни *наших* солдат нужно беречь, жизни *чеченцев* беречь не обязательно. И т.д., и т.п.

В этом последнем случае между Г. и С. может начаться спор, иногда очень горячий, целью которого, скорее всего, будет выяснить, что же имел в виду Г. и как его понял С., т.е. привести в максимальное соответствие семантику и прагматику, коннотации и ассоциативные ряды всех элементов высказывания в сознании Г. и в сознании С.

Но даже и в самых простых случаях коммуникация легко может быть нарушена, информация может быть не передана или передана искаженно. Ср.:

- (4) Г.: Какая у тебя машина?
С.: Синяя «девятка».

Может ли Г. быть уверен, что тот образ цвета его машины, который возник в сознании С., совпадает с тем, который существует в его сознании? Он может прибегнуть к разного рода уточнениям — типа «темно-синий, почти черный», или «синий, цвета офицерской формы летчиков» и т.п., однако полной гарантии идентичности образа в его сознании и сознании собеседника он не получит никогда.

Еще сложнее, когда Г. и С. принадлежат к разным культурам, имеют разный прагматический фон, хотя и говорят на одном языке:

- (5) Г.: Давайте сегодня вместе поужинаем?
С.: *Неправильно*: *Спасибо. *Правильно*: Хорошо, с удовольствием.
- (6) Г.: Я хочу пригласить Вас сегодня на ужин.
С.: Спасибо.

Если Г. воспитан в англо-американской культуре, то высказывание (5), скорее всего, означает, что он и С. вместе пойдут в кафе, поужинают, поговорят и расплатятся в складчину, а высказывание (6), скорее всего, — что Г. предлагает заплатить за С. Если Г. воспитан в русской культуре, то высказывание (5), скорее всего, означает, что он хочет пойти с С. в кафе, а высказывание (6) — что он, скорее всего, хочет позвать С. в себе домой. Если говорящий принадлежит к англо-американской культуре, то в примере (5) реакция слушающего («Спасибо») демонстрирует, что тот принадлежит к другой культуре, чем Г., а в примере (6) — что к той же культуре.

III

Собственно говоря, ничего особо нового в этой идее нет. Еще Потебня писал, что звук, издаваемый говорящим, *«воспринимается слушающим, пробуждает в нем воспоминание его собственных таких же звуков, а это воспоминание <...> вызывает в сознании мысль о самом предмете»* [Потебня 1991: 117]. И далее: *«Мысли говорящего и понимающего сходятся между собою только в слове. <...> Говоря словами Гумбольдта, «никто не думает при известном слове именно того, что другой. <...> Полученное этим путем различие в чувственных образах предмета <...> увеличивается в сильнейшей степени от того, что новый образ в каждой душе застаёт [! — Н.В.] другое сочетание прежних восприятий, другие чувства и в каждой образует другие комбинации. <...> Сообщение мысли есть речение, которое всякий <...> поймет не в переносном [не в том, которое «переносится»? — Н.В.], а в собственном смысле. <...> Речь только возбуждает умственную деятельность понимающего, который, понимая, мыслит своею собственною мыслию»* [Там же: 118–119]. И далее Потебня приводит цитату из Гумбольдта, в которой то же самое сказано немного другими словами: *«Люди, — говорит Гумбольдт, — понимают друг друга не таким образом, что действительно передают один другому знаки предметов, <...> а тем, что затрагивают друг в друге то же звено цепи чувственных представлений и понятий, прикасаются к тому же клавишу своего духовного инструмента, вследствие чего в каждом возникают соответствующие, но не те же понятия»* [Там же: 119].

Независимо от сложности высказывания, смысл его для С. всегда несколько иной, чем для Г. Это, по-видимому, и есть

механизм функционирования выделенной Лотманом *творческой функции языка* (наряду с функцией «памяти текста» [Лотман 1996]): нечто подобное Лотман, скорее всего, имел в виду, когда писал, что естественные языки, в отличие от искусственных, довольно плохо приспособлены для выполнения того, что обычно считают их основной функцией — к полной и точной передаче некоторой информации от индивида к индивиду. К этому значительно лучше приспособлены искусственные языки; это происходит потому, что «[и]искусственные языки моделируют не язык как таковой, а одну из его функций — способность к адекватной передаче сообщения, ибо, достигая совершенства в ее реализации, семиотические структуры утрачивают способность обслуживать другие, присущие им в естественном состоянии» [Там же: 14], в частности — творческую функцию: «*Всякая осуществляющая весь набор семиотических возможностей система не только передает готовые сообщения, но и служит генератором новых*» [Там же].

«Механизм смыслопорождения», как он его называет, Лотман видит в тропах — широко понимаемых риторических фигурах. Однако, по-видимому, этот механизм имеет отношение не только к сложным, художественным, метафорическим текстам, но и вообще *к любому акту коммуникации*: новые смыслы возникают в каждом, сколь угодно простом акте коммуникации — просто потому, что любой смысл (А'), возникающий в сознании С. при получении сигнала (а) от Г. — *новый* по сравнению со смыслом (А), существовавшим в сознании Г.

В более поздней работе, рассуждая о человеческой коммуникации, Лотман вводит принцип обязательности *двух языков* и понятие перевода: «*представление о возможности одного идеального языка как оптимального механизма для выражения реальности является иллюзией*» [Лотман 1992: 9]. По-видимому, под двумя языками здесь может пониматься язык говорящего и язык слушающего, которые никогда не идентичны; по крайней мере, некоторые указания на это в лотмановском тексте есть, ср.: «*В нормальном человеческом общении и, более того, в нормальном функционировании языка заложено предположение об исходной неидентичности говорящего и слушающего*» [Там же: 14].

Здесь мы снова видим важное отличие между человеческой коммуникацией и коммуникацией животных. Как пишет Э. Бенвенист, «*действие, являющееся у пчел формой сообщения, представляет собой особый тип символизма, состоящий в копировании объективной ситуации, которая дает начало сообщению без каких-либо вариаций или преобразований. В человеческом же языке символ в общем случае не является слепком с данных нашего опыта — в том смысле, что между явлениями действительно-*

сти и его языковой формой нет обязательного подобия» [Бенвенист 1974а: 102; выделено мной. — *Н.В.*], т.е. признаком человеческого языка являются как раз «вариации и преобразования», или иначе — неидентичность языковых систем говорящего и слушающего.

IV

Существуют ли высказывания или их элементы, для которых намеченное выше неверно? Существуют ли области языка, в которых для двух взрослых индивидов одного пола, владеющих одним и тем же языком как родным, получивших примерно одинаковое воспитание в одной и той же культуре и не слишком отличающихся по возрасту, социальному статусу и т.п., пусть даже имеющих при этом некий предшествующий опыт коммуникации, смыслы практически идентичны? Простые вопросы типа «Покормить тебя?» или «Который час?», простые команды типа «Дай», «Идем», простые вопросы (типа локативных — «где она?» или операторных — «почему?») вроде бы можно отнести к таким областям языка: какая тут может быть разная семантика и прагматика?

Однако если вдуматься, и здесь все не так просто. Простейший пример:

- (7) Г.: Не пойду.
С.: Почему?
Г.: Не хочу.
С.: Это не ответ.

Семантика элемента «почему?», возможно, для Г. и С. одна и та же — запрос для выяснения причинной связи. Однако *элементы*, которые могут быть связаны этой связью, для Г. и С., скорее всего, не совпадают. См. ниже о «маркерах» по Хоккетту.

- (8) Г.: Покормить тебя?
С.: Нет, спасибо, я сыт (при этом ответ не обязательно значит, что С. сыт: ему может быть просто неловко, он может воспринять вопрос как простую вежливость, и т.п. — вариантов опять много).
- (9) Г.: Передай сахар.
С.: Пожалуйста.
- (10) Г.: Передай сахар.
С.: Сам дотянешься, не барин.

Вряд ли требует комментариев разница в смыслах высказывания Г., которая сформировалась в сознании С. в примерах (9) и (10).

- (11) Г.: Который час?
С.: Без десяти шесть.
- (12) Г.: Который час?
С.: Пошли, пора уже!

В примере (11) говорящий, по мнению слушающего, интересуется положением стрелок на циферблате часов; в (12) говорящий, по мнению слушающего, спрашивает, есть ли у него еще время до некоторого условленного момента — например, до выхода из дома.

В (11) и (12) у слушающего *различные гипотезы* относительно смысла полученного от говорящего сигнала. Возможность таких различных гипотез подтверждает, как мне кажется, тот факт, что слушающий реально не получил от говорящего готового смысла — иначе, если бы такой смысл был, зачем бы были нужны гипотезы?

И все-таки — есть ли высказывания или части высказываний, для которых вышеприведенные соображения неверны? Есть ли «что-то святое» — то, что передается точно?

Видимо, да. Это, прежде всего, различные **дейктические средства** (опора на наблюдаемые элементы коммуникативной ситуации¹) и **шифтеры** — речевые элементы, связывающие содержание сообщения с элементами речевой ситуации — «тут», «тогда», «сейчас», «перед», «около», «потом», «я», «ты» и др. Переспросы типа «где — здесь?» или «кто это — мы?», с которыми мы постоянно сталкиваемся, как представляется, не касаются семантики этих дейктических элементов, а направлены на уточнение прагматической ситуации, то есть конкретного *наполнения* этого элемента в данном контексте: получив ответ, что в понятие «мы» собеседник вкладывает такое-то сочетание персонажей, спрашивающий не задает дальнейших вопросов: само понятие «мы», включающее говорящего и еще кого-то, как и понятие «здесь», т.е. рядом с говорящим, обоим собеседникам ясно.

Если вспомнить три универсалии Хоккетта², то правомерно задаться вопросом: не могут ли не только дейктические, но все эти три универсальных элемента относиться к области, общей

¹ Интересно, что описанная Э. Бенвенистом (вслед за К. фон Фришем) система коммуникации у пчел полностью основана на дейктическом принципе: она передает направление и расстояние до цветка от фиксированной точки — улья. «Допускаемые вариации относятся к пространственным данным» (см.: [Бенвенист 1974а: 98–100]). Очевидно, этот механизм у человека и животных общий.

² (1) В любом языке есть дейктические элементы; (2) в любом языке есть маркеры (типа *and*); и (3) в любом языке есть собственные имена (см.: [Хоккетт 1970]).

для говорящего и слушающего? Что касается маркеров, то о них, видимо, действительно можно сказать, что их семантика, как и семантика дейктических элементов, идентична в языковых системах Г. и С. Действительно, слушающий может иначе, чем говорящий, интерпретировать противопоставление через, например, маркер «но» (ср. выше пример с «почему») — однако у него вряд ли возникнут сомнения относительно семантики самого этого маркера.

С именами собственными дело обстоит сложнее. Денотат собственного имени, по-видимому, идентичен во всех индивидуальных языковых системах (исключая случаи синонимии, порождающие переспросы типа «Какой Дима?») — однако *образ* персонажа, вызываемый в сознании слушающего упоминанием этого имени (воспоминания о нем, отношения к нему и с ним), гарантированно отличается от этого же образа в сознании говорящего, поскольку здесь вмешивается индивидуальное отношение к данному персонажу. Фразы, в которых упомянуты, например, Столыпин или Сталин, могут вызвать в сознании слушающего совершенно не те смыслы, которые имел в виду говорящий — при том, что, повторяю, денотаты одни и те же. Здесь сложно, если вообще возможно, разделить семантику и прагматику имени собственного.

Иначе говоря, система языка, возможно, делится на ту часть, которая существует специально для «диалогического со-творения смыслов» и ту, которая надеется преодолеть непреодолимый барьер самостоятельно. Не знаю, как назвать две эти половинки грамматики — «диалогическая» и «монологическая» подсистемы языка?

V

Выше, говоря о (не)возможности абсолютно идентичного понимания, мы сделали ряд оговорок — «существуют ли области языка, в которых для двух *взрослых* индивидов *одного пола*, владеющих *одним и тем же языком* как родным, получивших примерно одинаковое *воспитание* в одной и той же *культуре* и не слишком отличающихся по *возрасту*, социальному *статусу* и т.п., пусть даже имеющих при этом некий *предшествующий опыт коммуникации*, смыслы практически идентичны?» и т.п. Каждая из этих оговорок требует отдельного комментария.

Рассмотрим несколько искусственных ситуаций, от одной крайности до другой. Все эти беглые наброски можно было бы объединить под общим заголовком «Первый контакт».

На одном полюсе лежит многократно описанный в фантасти-

ческой литературе момент первого контакта землян с инопланетянами, т.е. ситуация, когда никакие знаки, исходящие от одной стороны — ни звуковые, ни жестовые, ни мимические означающие — не вызывают в сознании другой стороны вообще никаких смыслов. Коммуникация полностью невозможна, две языковые системы абсолютно различны. Для того чтобы коммуникация стала возможна хотя бы на самом примитивном уровне, необходимо сопоставить означающие и означаемые хотя бы некоторого количества знаков (поднятая рука, круг на песке, рука, прижатая к груди, и т.п.) и хотя бы на очень приблизительном уровне (хорошо — плохо, опасно — безопасно и т.п.).

(Интересно было бы взять эту самую старую научную фантастику и посмотреть, что, по мнению авторов, должны первым делом установить собеседники. Смутные детские воспоминания об этом чтиве подсказывают, что первым делом пришельца идентифицируют (имя собственное), устанавливается степень опасности пришельца (друг или враг), и выясняется, откуда он явился (т.е. формируется некая дейктическая опора).)

Далее — коммуникация между человеком и животным. Собака *радостно* лает при виде хозяина; кошка *ласково* мурлычет и трется о ногу хозяйки — в сознании хозяина или хозяйки возникает смысл, который, скорее всего, не соответствует тому смыслу, который заставил собаку залаять или кошку замурлыкать — но что-то общее тем не менее есть. При длительном контакте человека и собаки или кошки возможна, как мы знаем, довольно высокая степени взаимопонимания: человек и кошка «притерлись» друг к другу, научились сопоставлять известным им означающим более или менее схожие означаемые.

Далее — многожды описанная ситуация первого контакта между белым путешественником и туземцем. Туземец, *явно рассерженный*, что-то быстро и громко говорит; темп и громкость речи являются для белого сигналом, что туземец что-то требует от него или чем-то недоволен. Область общих смыслов у белого и туземца довольно велика, хотя общего языка и нет: помогают жесты и мимика — хотя здесь возможны самые разнообразные отличия, которые могут привести к серьезным ошибкам в восстановлении слушающим смысла, заложенного говорящим в свое послание.

Европеец попал в чужом, тоже европейском, городе в беду (документы украли, например). Языка страны он не знает, стоит посередине улицы в растерянности. Подходит прохожий, улыбаясь, говорит ему на своем языке *что-то успокаивающее*, и при этом тихонько похлопывает его по плечу, показы-

вая жестами, чтобы он следовал за ним. Область общих смыслов еще больше: многие жесты, мимика, характер речи могут оказаться у двух участников коммуникации более или менее общими.

Коммуникация с неполноценным носителем языка (иностранцем): говорящий может, используя любой из множества так называемых «прецедентных текстов», невольно сослаться на ассоциацию, абсолютно понятную (как ему кажется) для носителей языка, на котором происходит коммуникация, однако неполноценно владеющий этим языком собеседник может этой ассоциации не иметь. Так, сказанная в русской компании фраза «Хорошо сидим!» может быть воспринята иностранцем совершенно неверно: он имеет в сознании лишь буквальный ее смысл, но, скорее всего, не видел «Осенний марафон» и не понимает, что говорящий произносит ее в ироническом смысле и что, скорее всего, это означает, что он, иностранец, своему собеседнику смертельно надоел.

Надпись в витрине магазина, торгующего фруктами и соками: *OJ Today!* — чтобы понять смысл рекламы, читающий ее должен не только знать, что OJ — это сокращение для *orange juice*: этого мало. Зимой 1993 года, когда такая реклама появилась в одной из нью-йоркских витрин, шел знаменитый процесс над О.Д. Симпсон'ом, человеком, обвиненном в убийстве и оправданном за недостатком улик благодаря изворотливости адвокатов и очень большим деньгам. Смысл, вложенный в это сообщение его автором, и смысл, вычитанный из него иностранцем, существенно расходятся.

Человек, говорящий на том же языке, что и собеседник, но принадлежащий к другой социальной страте, или к другой географической подгруппе, или долгое время проживший за границей, произносит какую-то фразу; в сознании слушающего возникает образ смысла этой фразы, который может оказаться довольно близким к смыслу, заложенному в эту фразу говорящим — но и здесь возможны разные степени ошибок. Ср. например, многократно описанную в мемуарной литературе ситуацию первого появления интеллигентного зека в тюремной камере, где сидят уголовники. Или ср. реальный пример: женщина, 37 лет, родной язык русский, второй — и сейчас уже более свободный — английский, живет в Америке с 10 лет, произносит фразу в общем разговоре о штрафах за управление автомобилем в нетрезвом виде: «Сейчас у нас тут с этим стало строго». Я понимаю ее, что *стало* после какого-то случая или принятия нового закона — она же имеет в виду, что *стало* на время Рождества, потому что в этот период все ездят пьяные. То есть я понимаю ее так, что это изменение

постоянное, она же имела в виду, что оно *временное* или *периодическое*. Что это — русское представление о том, что все изменения — навсегда и обязательно к худшему? и англосаксонское — что изменение циклично, и после периодического и вполне объяснимого построения станет снова полегче? В любом случае, при полной грамматичности и правильности высказывания мой мир смыслов не совпал в этот момент с ее миром — я не понял, что она хотела сказать, точнее — понял, но чуть по-своему.

Коммуникация между двумя давно знакомыми людьми «одного круга», одной компании и близкой профессии: область совпадения смыслов будет очень велика — в том числе и потому, что эти собеседники имели достаточно времени, чтобы привести свои понятийные системы в соответствие. Но и здесь полного совпадения, конечно, не будет. Данные ассоциативных словарей, в частности, свидетельствуют, что ассоциации, связанные со словом, у людей, говорящих на одном языке, статистически близки, но тем не менее различны. Поэтому ассоциации, связанные со всем высказыванием, будут неизбежно отличаться, т.е. на «принимающем» конце будет появляться смысл, отличный от «посылающего» конца. Всем знакома, например, ситуация научного доклада, когда докладчик говорит о том, что интересно ему, а каждый человек в аудитории воспринимает его слова, узнавая знакомое ему, реагируя на отдельные слова и фразы, порождая свои ассоциации, комментируя затем в своем выступлении не столько содержание доклада, сколько свои мысли по поводу доклада.

Коммуникация между супругами, много лет прожившими вместе, может вообще иногда обходиться без звукового означающего — они и так понимают друг друга без слов, совпадение смыслов почти полное. Тем не менее существующие между ними гендерные различия, описанные в социолингвистической литературе, могут и здесь привести — и приводят, еще как приводят! — к непониманию — ср. примеры, приводимые в работах Деборы Таннен, которая пишет о непонимании между супругами: (Хочешь пойти в кино? — А ты?).

Коммуникация между близнецами: как сказала мне одна из студенток, слушавшая мой доклад на похожую тему, у нее и сестры-близняшки бывали периоды, когда они вообще не разговаривали — зачем? и так все понятно. Если близнецы общаются только друг с другом или почти только друг с другом, это понимание без слов может зайти так далеко, что речь у них развивается очень замедленно. Такой случай описывает А.Р. Лурия [Лурия 2001: 87–88]: Юра и Леша, однайцевые близнецы, до двух лет не говорили совсем. Дома близнецы прово-

дили большую часть времени, играя вместе; им не читали, их развитие никак не стимулировали. В два с половиной года единственными словами были «мама» и «папа». В четыре года, играя вместе, они произносили какие-то звуки, но не употребляли их систематически в связи с предметами или действиями, по крайней мере их мать не могла уловить никакой определенной системы. К пяти годам дети могли произнести несколько обычных слов, говоря со взрослыми, но в игре друг с другом почти не пользовались речью. Несмотря на аномальную речь, они казались (и были, скорее всего) вполне нормальными в интеллектуальном отношении.

На противоположном от инопланетян конце шкалы расположена автокоммуникация: размышления, мысли вслух, внутренние диалоги и монологи, в которых говорящий и слушающий гарантированно имеют одну и ту же систему смыслов. Тем не менее эти внутренние диалоги зачем-то ведь ведутся — не означает ли это, что, мысленно разделив свое сознание на две условные части, на двух как бы собеседников, человек, заставив этих условных собеседников говорить друг с другом, проясняет, уточняет мысль, «гоняя» ее туда-сюда, т.е. пользуется «творческой функцией языка», использует язык как средство порождения новой идеи?

Чем-то все это близко к известной «теории лакун», сформулированной Ю.А. Сорокиным для описания одной из проблем перевода (см.: [Сорокин 2003]; [Сорокин, Морковина 1983]); однако особенность ситуации в том, что лакуны возникают не только при переводе с одного языка на другой, но и в пределах коммуникации на одном языке, возникают постоянно, не могут не возникать. Акт творчества, акт создания новой информации имеет место всегда. При этом чем больше область совпадений между двумя участвующими в коммуникации языковыми системами, «мирами смыслов», тем «ниже градус» творческого акта, тем менее значима коммуникация. Диалог с соплеменником менее значим, менее продуктивен, чем диалог с представителем иной культуры. Я уж не говорю о разговорах супругов... Чем больше расхождения в этих системах, тем богаче коммуникация, так как сильнее проявлена ее творческая функция.

VI

Думаю, что ответ на вопрос «Существуют ли такие коммуникативные ситуации, в которых смыслы говорящего и слушающего полностью идентичны?» должен быть отрицательный — в том числе и потому, что **коммуникация между двумя полностью идентичными семантическими системами не имеет смысла.**

Чтобы это проиллюстрировать, интересно рассмотреть такой вариант коммуникации — что означала бы коммуникация между двумя идентичными системами?

По-видимому, наблюдать такую коммуникацию мы не можем — ее не существует в природе, однако *элементы* такой коммуникации мы наблюдаем каждый день: в общении между очень близко и давно знакомыми людьми постоянно проскальзывает мотив «А то я сам бы не догадался». Супруги, с годами научающиеся обходиться почти без слов, интуитивно чувствуют, что слова во многих ситуациях — с каждым годом совместной жизни все в большем числе ситуаций — не нужны, поскольку противоположная сторона «и так понимает». Слова становятся лишними, а если они все-таки в таких не требующих слов случаях произносятся, то часто вызывают раздражение.

Еще один вид постоянной коммуникации — ситуация речевого общения школьного учителя с учениками. Это общение происходит каждый день, круг тем, который оно затрагивает, ограничен, и от учителя требуется большая изобретательность, чтобы избежать тривиальности, не впасть в произнесение одних и тех же высказываний в одних и тех же ситуациях и не вызвать тем самым отталкивания и полного «замыкания» со стороны учеников — «Что я, сам не понимаю, что ли? Да что она все талдычит одно и то же?» — т.е. коммуникация, когда обоим ее участникам известно полностью содержание передаваемой информации, автоматически прекращается и становится бессмысленной.

Если все-таки попытаться представить себе коммуникацию между абсолютно идентичными системами смыслов, то, по-видимому, придется признать, что названные выше признаки такой коммуникации — раздражение участников от ее бессмысленности, блокирование канала восприятия при получении полностью идентифицируемой информации, автоматическое прекращение коммуникации — будут проявляться в таком акте коммуникации в абсолютной степени. Иными словами — такая коммуникация бессмысленна и невозможна и прекратит сама себя, не успев начаться. Если вероятность совпадения смыслов равна единице — передаваемая информация равна нулю.

VII

Различия между смыслом (семантикой, прагматикой, ассоциативным рядом) одного слова в сознании говорящего и слушающего начинает расти в геометрической прогрессии при увеличении числа передаваемых слов. Каждое переданное слово позволяет слушающему обнаружить в своем сознании соответ-

ствующий смысл — и каждый такой смысл будет чуточку отличаться от смысла, существующего в сознании говорящего. Зазор накапливается, умножается, растет, как снежный ком — и на относительно длинной цепочке сигналов достигает заметной величины. С другой стороны, существует, видимо, какой-то компенсирующий механизм: накапливающееся расхождение смыслов, получаемых С., как-то корректируется на более продолжительных отрезках текста благодаря постоянной проверке на сочетаемость: поскольку восприятие речи нелинейно, смыслы, полученные в пределах одной коммуникации позже, способны корректировать другие смыслы и их сочетания, полученные ранее. Это верно, по-видимому, и для постоянных коммуникаций с одним и тем же набором Г. и С.: этим можно объяснить описанное выше явление привыкания к смыслам постоянного собеседника.

Однако полной идентичности системы смысла двух людей не достигнут никогда. В дополнение к простому расхождению смыслов — существует ведь еще и сознательная многозначность, поэтичность, метафоричность текста. Простое «Закройте дверь» может быть воспринято слушающим не как просьба, а как сигнал того, например, что говорящий сердится; что же говорить о высказываниях вроде «в темноте всем телом твои черты, как безумное зеркало, повторяя...».

Добавим сюда территориальные, социальные, возрастные, гендерные, поколенческие особенности систем смыслов в пределах «одного и того же языка» — и окажется, что участники акта коммуникации находятся в состоянии постоянного взаимонепонимания, дешифровки. Добавим сюда то, как эти механизмы осваиваются детьми; то, как дети, параллельно с постоянным, ежедневным и упорным преодолением непонимания, формируют собственную понятийную систему, создают свои ассоциативные ряды.

Как же все-таки оказывается, что коммуникация возможна? Язык должен иметь, видимо, разнообразные механизмы, позволяющие гасить эти накапливающиеся расхождения, механизмы обратной связи между говорящим и слушающим, способы переспросов и перепроверок, да и чисто языковые механизмы компенсации, снижения различий, достижения понимания. Полный список подобных механизмов я предложить, естественно, не в состоянии.

Видимо, основная область, в которой следует искать эти механизмы, — это языковая избыточность, у которой есть несколько вариантов реализации. Первое, что приходит в голову, — это различные виды *синонимии*, когда говорящий использует в речи несколько синонимических названий одного

процесса, чувства, явления или несколько синонимических способов выразить одну и ту же мысль в надежде, что несколько вариантов вызовут в сознании слушающего несколько близких смыслов, которые, накладываясь один на другой, создадут поле значений, максимально близкое к смыслу говорящего. Сюда же примыкают *повторы* — с минимальным расхождением составляющих элементов, часто почти идентичные — которые самым фактом многократных попыток «пробиться» в сознание слушающего увеличивают вероятность понимания («Оставь кошку в покое! Оставь в покое кошку, говорю!»); или лекторские повторы: одна и та же мысль высказывается дважды и трижды, разными словами, с разными примерами — естественно, с риском, что слушатели заскучают — см. выше о тривиальной коммуникации.

Возможно, к этой же категории средств относятся *переспросы*, которые превращают коммуникацию из монолога в диалог: участники вместе строят общий текст; а также *цитаты* и *аллюзии*, т.е. опора на третью систему — систему «прецедентных текстов» — которая, как говорящий надеется, окажется дополнительным инструментом для выравнивания смыслов между говорящим и слушающим.

VIII

Свойство гениальных идей в том, что следствия из них бесконечны. Идея устройства языкового знака, придуманная Соссюром, идея устройства коммуникативного акта, придуманная Якобсоном, идея творческой функции языка, придуманная Лотманом, имеют, как мне кажется, описанное выше следствие, на которое, насколько мне известно, никто не обращал внимания. Это следствие выглядит странно, однако опровержения я найти не могу. Возможно, я допускаю какую-то простую ошибку в цепи рассуждений; если кто-нибудь из читателей этой статьи сумеет мне на эту ошибку указать — я вздохну спокойно, поскольку в этом случае привычному мне лингвистическому пейзажу ничто не угрожает.

Библиография

- Бенвенист Э.* Коммуникация в мире животных и человеческий язык // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974а. С. 97–103.
- Бенвенист Э.* Природа языкового знака // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974б. С. 90–96.
- Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М.: Прогресс. Гнозис, 1992.
- Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера-история. М.: Языки рус. культуры, 1996.

- Лурия А.Р.* Этапы пройденного пути: научная автобиография. МГУ, 2001.
- Потебня А.А.* Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1991.
- Сорокин Ю.А.* Переводоведение: Статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М.: Гнозис, 2003.
- Сорокин Ю.А., Морковина И.Ю.* Опыт систематизации лингвистических и культурологических лакун // Лексические единицы и организация структуры литературного текста. Калинин: Калининский гос. ун-т, 1983. С. 35–52.
- Хоккетт Ч.* Проблема языковых универсалий // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1970. Вып. V. С. 45–76.
- Katz J.* The Philosophy of Language. N.Y.: Harper and Row, 1966.
- Schiffrin D.* Approaches to Discourse. Oxford & Cambridge (Mass): Blackwell, 1994.